

РОЖДЕНИЕ ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНА ИЗ КРИЗИСА КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

THE RISE OF POSTMODERN PHILOSOPHY OUT OF A CRISIS

V. Savrey

Summary. The article is devoted to the comprehension of postmodern philosophy and its ideological, ethical, cultural and historical significance. The author notes the destructive and nihilistic features of the postmodern philosophy and its lack of a common fundamental conceptual basis. At the same time, the author hopes that thanks to the debate provoked by postmodern philosophy absolute and significant ideological and ethical postulates will return to the philosophy in our era since they are the origins of European philosophy and culture.

Keywords: postmodern, modern, culture, crisis, philosophy, era.

Саврей Валерий Яковлевич

Д.ф.н., профессор, МГУ им. М. В. Ломоносова
vsrvy@icloud.com

Аннотация. Статья посвящена теоретическому осмыслению философии эпохи постмодерна с точки зрения её мировоззренческой, этической, и культурно-исторической значимости. Автор отмечает деструктивные и нигилистические черты в характере философии эпохи постмодерна и отсутствие в ней общей фундаментальной концептуальной основы. Вместе с тем автор выражает надежду, что вызванная постмодерном дискуссия окажется способной содействовать возвращению в философский менталитет нашей эпохи абсолютных и значимых мировоззренческих и этических постулатов, лежащих у истоков европейской философии и культуры.

Ключевые слова: постмодернизм, модерн, постмодерн, культура, кризис, философия, эпоха.

Философия и культура постмодерна стали знаком нашего времени. Постмодернизм вышел на большую дорогу истории и стал универсальным и глобальным явлением, решительно сменяя эпоху модерна. Время постмодернизма совпало с постиндустриальной эпохой, когда человек, находясь на вершине могущества в плане овладения миром, «отброшен к своему подлинному бытию в этом мире» [Ясперс 2012, 108]. На новом горизонте эпохи постмодерна провозглашается появление новой личности с постмодернистским сознанием и духовностью, с её новым отношением к миру, в котором существование человека доверено ему «как место и как плоть» осуществления его истока [Ясперс 2014, 171] и в котором он «находит путь к истоку человечности» [Ясперс 2014, 311]. Постмодернизм начал свой путь с философской ревизии мировоззренческих основ европейской культуры и бросает новый взгляд на многообразие эстетических, этических, религиозных и научных достижений классической эпохи модерна.

Начало 70 гг. прошлого века стало тем моментом, о котором историк архитектуры Чарльз Дженкс сказал, что этот рубеж ознаменовал собой символический конец модернизма и переход в эру постмодерна, когда постмодернизм врывается почти во все сферы жизни, не оставляя места для прежних теоретических и доктринальных идеалов. В архитектуре и искусстве, в литературе и в философии на сцену вышли новая эстетика и новая этика [Уотсон 2017, 649].

Парадигма эпохи постмодерна парадоксальна и одновременно закономерна в своём генезисе и истори-

ко-культурном феномене. Постмодерн рождён эпохой модерна, является её продолжением, и в то же время он отрицает модерн. Отношения между модерном и постмодерном А. Тойнби охарактеризовал как отношения между архаизмом и футуризмом.

В оценке А. Тойнби, «очевидное различие в ориентации, которое разводит эти два образа жизни, не столь значительно, как те глубинные черты, которые создают между ними общее» [Тойнби 1996, 350]. В этом отношении постмодернизм как новое явление на интеллектуальном и культурном горизонте нашей эпохи в его отношении к истории классического модерна может быть представлен через аналогию периода юности, переживаемой молодыми людьми, которые всячески стремятся дистанцироваться от мира взрослых людей и прежде всего от своих родителей. С этой целью они заводят новую моду в одежде, новые причёски, новую музыку. В период юности мир всегда воспринимается как «новый мир», таящий в себе нечто радикально новое. В концепции эпигенетического развития, разработанной Эриком Эриксоном, «ум подростка в поисках вдохновляющего единства идеалов становится умом идеологическим» [Erikson 1968 IX, 290]. Характерная для молодых людей диффузия идеалов является результатом неприятия молодыми людьми идеологии и тех ценностей, носителями которых выступают Церковь, родители и другие авторитетные инстанции [Хьюэлл, Зиглер 2001, 228]. По аналогии с периодом юности «футуризм» постмодерна характеризуется неприятием универсальных теорий, претендующих на обладание истиной. «Как футуризм, так и архаизм — это попытки разорвать пути настоя-

щего чрез обращение к другим временным периодам, не покидая, однако, земной план человеческого бытия» [Тойнби 1996, 350]. В стратегии концептуального постижения истории А. Тойнби гениален и проницателен. В параметрах истории человечества от Адама до конца веков ничего онтологически нового кроме события Боговоплощения и возникновения в мире христианства произойти уже не может. Немецкий теолог XX в. П. Козловский, утверждает тезис о том, что христианство как «модерн» по отношению к миру античности есть «последняя новость» в истории мира, поскольку никакой другой универсальной новости в истории человечества уже не будет, но будет Второе пришествие Христа и конец человеческой истории, на смену которой придёт Царство будущего века. В оценке А. Тойнби, модерн и постмодерн намечают разные пути исторического развития и создают опять же разные глобальные проекты будущего человечества, но они «альтернативны только по оси временного изменения» [Тойнби 1996, 350]. При этом их «объединяет то, что оба они оказываются бесперспективными» [Тойнби 1996], если, конечно, иметь в виду эсхатологическую аксиому, отражающую финализм исторического процесса: *paragietoschymatukosmututu* (1 Кор. 7:31).

В строго определённом теоретическом смысле постмодернизм не решает, а усложняет постановку проблем, рождённых эпохой модерна, для которой, начиная с эпохи Возрождения, казался актуальным и привлекательным проект создания Нового человека. В области научного знания постмодернизм выражает недоверие в отношении метарассказов эпохи модерна, способных претендовать на универсальную значимость. Ж.Ф. Лиготар, определивший постмодерн как кризис метанарративов, в контексте проблемы легитимации знания «описывает постмодернизм как недоверие к метаповествованиям, он отмечает сомнение и критику самой идеи автономного знания» [Смит 2012, 92]. В области искусства постмодернизм сформировал новую сенсационную парадигму, которая «лишена покоя и созерцательности» [Гартман 2002, 99]. В сфере образования постмодернизм отразил черты перехода от индустриального к информационному обществу с ускоренной модернизацией обучения в направлении технологичной и системной унификации учебного процесса в соответствии с запросами нового информационного общества. Постмодернизм отстаивает приоритет развития творческих способностей личности в интересах новой информационной цивилизации.

Как новый культурно-исторический феномен постмодернизм пришёл в мир на волне общего кризиса эпохи модерна, в которую век за веком с неотразимой мощью сокрушительной рационалистической мысли в её неразрывном союзе с материализмом и либерализ-

мом ниспровергались священные авторитеты и вечные ценности, разрушались барьеры нравственного благочестия и религиозных традиций. Рационализм и скептицизм ввергли человечество в состояние мировоззренческого, нравственного и культурного кризиса, в котором доминантное положение принадлежит рынку, потребительству и индивидуализму. С другой стороны, научные открытия Нового времени, особенно в области физики, астрономии и биологии, угасили вызванный ренессансным порывом пафос преклонения перед величием человеческого достоинства и по-новому поставили вопрос о смысле существования человека. «Мировая война поколебала нашу веру в себя и в «наше достоинство». А это значит, что мы утратили веру в рациональную организацию этого мира» [Уотсон 2017, 377].

«Ныне мы живём в эру разрушающихся и исчезающих традиций... Универсальные ценности приходят в упадок» [Франкл 1990, 295]. Перед лицом всеобщего релятивизма и нигилизма, ниспровергающих традиционные ценности, человек теряет фундаментальную опору в жизни, и он как новый субъект истории, в состоянии своей мировоззренческой растерянности, становится заложником ситуации, которую можно определить как кризис современной культуры. В условиях новой ситуации, под натиском глобализации, в мире формируется «идея примирения непримиримого как условие выживания человеческого рода» [Скоропанова 2001, 10]. С примирением связываются надежды на преодоление кризиса, в который погружён наш современный мир.

Понятие «постмодерн», обозначающее исторический отрезок времени, начавшегося после первой мировой войны, приобрело с 60–70 гг. прошлого века значение новой эпохи с её новым мироощущением, сознанием и культурой, которые стали альтернативой классической эпохи модерна.

С начала 80-х гг. XX в. термин «постмодернизм» присутствует в дискуссиях о визуальных искусствах, архитектуре, музыке и литературе. Со стороны постмодернизма прозвучала критика в адрес разума, восхитившего власть над обществом и историей. В литературе постмодернизм оформился как специфический «стиль письма» под воздействием «эпистемологического разрыва» с мировоззренческими концепциями традиционного модерна, провозгласив «потерю субъективности», воспринимаемую противниками постмодернизма как «постмодернистскую реакцию» против модернизма или как «критический миф» [Ильин 1996, 201]. В аналитической оценке Ж. Деррида, «литературный критицизм всегда, в любое историческое время по своей сущности и предназначению является структуралистским подходом» [Derrida, Alan 1963, 12]. Провозглашая освобождение от предрассудков эпохи модерна, философия пост-

модернизма пока не смогла противопоставить традиции модерна достойную конструктивную альтернативу, отмеченную знаком величия.

Перри Андерсон, ссылаясь на авторитетное мнение Арнольда Тойнби, обозначившего первоначальные границы эпохи постмодерна, в первой главе своей книги «Истоки постмодерна» декларативно отмечает:

«В восьмом томе «Постижения истории», опубликованном в 1954 г., Тойнби определил эпоху, начатую Франко — прусской войной, как «эпоху постмодерна», причём её характеристика сохраняла преимущественно негативный характер» [Андерсон 2011, 13]. Постмодернизм может быть представлен как масштабная и существенная ревизия интеллектуального и культурного наследия эпохи модерна. В науке, философии, истории, литературе, изобразительном искусстве, архитектуре и музыке постмодернизм выдвинул целый ряд авторов, создавших широкий диапазон его ключевых доктринальных положений. Феномен постмодерна таит в себе неразгаданную тайну, некую анигму, связанную с кризисом мировоззрения и культуры эпохи модерна. Постмодернизм многолик, неоднороден, аморфен и туманен. В области философии он не оформлен в какую-либо единую универсальную концепцию, но в то же время он радикален и решителен в своей новизне.

В оценке отдельных отечественных и зарубежных авторов содержится критика в адрес философии постмодерна: «постмодернизм несерьёзен и неуловим» [Арсланов 2015, 514]. Постмодернистская философия не менее агностична, чем модернистская традиция, с деконструкции которой она начала свой путь [Хаутепен 2008, 23]. С самого начала этот путь характеризовался профанацией всего возвышенного, священного и сакрального. «Ярость постмодернистской деконструкции уничтожила не только образ Бога — образ человека разлетелся на мелкие осколки» [Там же, 172]. Современный мир, забывший о том, что ни одна культура не рождалась и не развивалась иначе, как в парадигме определённой религии, не сознаёт и недооценивает важность веры для своего существования. Сущность проблемы в этом вопросе, согласно А. Тойнби, состоит в концептуальном видении смысла веры, в том, чтобы душа, «стремящаяся к Богу» [Тойнби 1996, 432] смогла отделить сущность религии от её «конкретно-исторических проявлений» [Там же]. В новой системе координат уже ничто не может быть святым. В оценке Ю. Хабермаса «аура трепета и страха, которая исходила от сакрального, и которая удерживала нас во власти священного, превратилась в связывающую силу подверженных критике разговорах о ценностях» [Habermas 1981, 119]. Присутствие в человеческой жизни трансцендентного абсолютного начала как гаранта бессмертия души заменилось провозгла-

шением ценностей, способных формировать в условиях реальной действительности качество личной жизни и вместе с ней качество общественной структуры в целом. Но только религия, отмечает Т.С. Элиот, пока она жива и действенна, является ноуменальным основанием культуры, оберегающим массы людей от скуки и отчаяния и придающим им необходимый в их жизни истинный смысл [Eliot 1948, 19].

Выступая против веры, традиций и религиозных авторитетов как символов ограничивающих и сковывающих свободу человека, являющейся одной из доминантных ценностей постмодернизма, Ю. Хабермас идёт путём Фейербаха, Ницше, Вебера и Фрейда [Хаутепен 2008, 173]. Однако провозглашаемая Хабермасом коммуникация, основанная на рациональных убеждениях, оказывается неспособной утолить духовную жажду души, взывающей в своей потаённой мечте небесного мира Божьего. Тем не менее, «постмодернистское свидетельство о смерти гуманизма и субъекта» [Там же, 371] уже не оставляет места для традиционной веры и нравственности. Новаторством в этике стал применяемый Ж. Деррида метод деконструкции, который был направлен к тому, чтобы «заново исследовать ответственность, ставя под сомнение коды, унаследованные у этики и политики» [Стретерн 2015, 371]. Как отмечает В.Г. Арсланов, «постмодерн в лице его наиболее глубоких и образованных представителей, таких как Жак Деррида — отражение и выражение чрезмерного, тотального отрицания, ставшего главной опорой самого тёмного и непросвещённого консерватизма» [Арсланов 2015, 525]. По лаконичному и предельно обобщённому заключению Вольфганга Вельша, «постмодерн начинается там, где кончается целое» [Welsch 1988, 29].

Какие же в таком случае идеалы провозглашает постмодерн, к чему призывает? Ставит ли постмодернизм перед собой какие-либо высокие цели? Желает ли он преобразовать человека, общество, мир? Нет, говорит А. Тойнби, он оставляет всё как есть, и даже подчёркивает бессилие разума в условиях новой ситуации. Но в то же время, как замечает А. Тойнби, «мотивом эвкации призрака является желание изменить мировоззрение и поведение современников» [Тойнби 1996, 497].

Эпоха постмодерна определяется характером постиндустриального общества, в котором человек открыт для своей внутренней свободы, свободы выбора, созерцания и творчества. «Постмодерн — эпоха массового творчества» [Гишинский 2017, 161]. Однако жизнь современного человека не способствует его углублению в таинства бытия. «Свобода теперь означает, прежде всего, свободу выбора» [Бауман 2004, 170]. Как пессимистично отмечает Ж. Бодрийяр, в современном постмодернистском мире после всеобщего «освобо-

ждения», освобождения политического, религиозного и нравственного, после «освобождения бессознательных импульсов, освобождения искусства» [Бодрийяр 2014, 7], после того, как «игра окончена — всё освобождено», мы «задаём себе главный вопрос: что делать теперь, после оргии?» [Там же]. С точки зрения традиционной нравственной философии истинная свобода, как она трактовалась в античном и христианском умозрении, не должна означать отказа от этических и мировоззренческих установок с присущими им понятиями абсолютного, истинного и вечного. В осознании своего места в общем универсуме бытия, в осознании самого себя «в парадигме онтологической реальности и этического действия» [Рикёр 2017, 153], человек должен исходить, как утверждает К. Ясперс, исключительно из веры в Откровение, поскольку «вне Откровения только релятивизм» [Ясперс 1991, 420]. Универсальная в своей концептуальной основе мысль П. Рикёра, устанавливающая экзистенциальную соотносительность между природой онтологической действительности и природой этического действия, не заключает в постановке самого П. Рикёра какой-либо аллюзии на интерпретацию этого тезиса в метафизической плоскости. Объективный смысл этой формулы в действительности отражает глубинную тайну икономии божественной благодати: онтологическая действительность создаётся Богом, а этическое действие сознательно совершается человеком, призванного этически и творчески актуализовать себя в парадигме нравственного уподобления первообразу в реальном соответствии с заповеданным в Евангелии идеалом нравственного совершенства (Мф. 5,48). В свете Евангелия человек «проживает свою персональную жизнь, имея перед глазами конкретный идеал человека» [Гартман 2002, 184]. Признавая в человеческой жизни приоритет разумного этического начала и рассуждая о том, что «экзистенция — это одно из слов для обозначения действительности» [Ясперс 2014, 171], Ясперс отнюдь не случайно цитирует высказывание Сёрена Кьеркегора, утверждающего в человеческом существовании уникальность и исключительность этического начала: «Единственной действительностью, которая действительна для того, кто существует,— его собственная этическая действительность» [Там же].

Кризис культуры эпохи модерна отдалённо напоминает кризис античной культуры в период поздней античности. От эпохи античности постмодернизм, вслед за эпохой модерна, унаследовал такие концепты античного восприятия бытия, как рационализм, критицизм, скептицизм, гносеологический и этический релятивизм: истины нет, справедливости нет, а существуют только мнения и убеждения. Кризис античного сознания, выразившийся в религиозном скептицизме и этическом релятивизме киников и агностиков, явился

прообразом предпринятой Ф. Ницше переоценки ценностей — аналога критики модерна со стороны представителей философии постмодернизма. В отношении диктатуры человека над природной средой и в отношении проекта однополярного мира эту критику следует признать справедливой. Чтобы ответить на вызовы антропоцентризма в отношении флоры и фауны Земли, вызовы европоцентризма в области культуры и в сфере геополитики, постмодернизм выступил с заявлениями кардинальной переоценки реальности, сложившейся в мире в XX веке, в котором кризис культуры был ознаменован двумя мировыми войнами и идеологическим террором. Отвергая любую форму доминирования части над целым, Ф. Лиотар в 1985 году призвал к признанию ценностей плюрализма: «дадим простор различиям и спасём честь имени» [Lyotard 1985, 82]. Идеология власти, насилия, доминирования как абсолютизация диктата авторитета теперь, с точки зрения авторов философии постмодерна, полностью исключается. В новом плюралистическом мире, как провозгласил Джон Капуто, необходимо позволить цвести всем цветам [Капуто 2011, 186].

В то же время в теоретическом плане постмодернизм выступает против абсолютной истины. На смену жёстким метафизическим структурам должны придти «слабые структуры», выражающие плюрализм мнений. Но если человек — это тот, кому дано уметь делать различие между истиной и заблуждением, то из этого следует, что истина должна соотноситься с целью человеческого предназначения, поскольку ошибка в плане умозрения с неотвратимой закономерностью ведёт к ошибке в практической деятельности. С другой стороны, представляется несправедливым приписывать постмодернизму тотальное отрицание всего, что можно отрицать.

Поэтому следует акцентировать критику не в отношении того, что Ж. Деррида утверждает относительность любого человеческого знания: «Наука — это истина, которая работает, а не истина, которая установлена раз и навсегда» [Стретерн 2015, 39], а в отношении того, как эта высказанная Ж. Деррида истина «работает» в сфере мировоззрения и этики. Когда К. Дж. Ванхузер поднимает вопрос о том, «есть ли какие-либо основания у знания, смысла и нравственности» [Ванхузер 2007, 306], он признаёт правоту Ж. Деррида в том, что «Деррида не ошибся, увидев, что наши ощущения, логика, сознание не могут служить таким основанием, потому что они уже «замутнены» языком» [Там же]. Несомненно, говорит Деррида, «вербальное препятствие» в процессе научного познания часто обладает формой метафоры [Деррида 2012, 297]. «Несомненно, царство метафоры простирается за пределы языка, понимаемого в узком смысле вербального «выражения»: «метафоры соблазняют разум» [Там же, 298]. Однако ошибка Деррида кроется в его

выводе о том, что «чётких оснований для определения авторского замысла знания или смысла не существует» [Ванхузер 2007, 306].

В действительности, например, постмодернизм не отрицает значения науки как одной из самых авторитетных и общепризнанных областей символической деятельности человека, а отрицает сциентизм, присвоивший себе исключительное право формировать мировоззрение общества [Griffin 1988]. Как явление истории и культуры «постмодернизм возникает на фоне кризиса модерна» [Рзаева 2011, 260]. подвергая критике традиционные ценности эпохи модерна и выступая за торжество идеалов единства, свободы, справедливости и уникальной значимости региональных и скромных, но всё-таки ценных периферийных реальностей бытия, постмодернизм не столько разрешает, сколько скорее углубляет все те проблемы существования, которые рождены мировоззренческими и этическими противоречиями эпохи модерна.

«Бог развёртывает мир как ковёр» [Ясперс 1991, 503]. В XX веке мир пережил «отпадение от Логоса, от идеи мирового порядка» [Там же, 501]. XXI век таит немало противоречий. «80% населения мира не подходит под стандарты постмодерна. Обе теории — и глобализации, и постмодерна — противостоят друг другу, несовместимы» [Мнацаканян 2018, 128]. Современный «свободный» мир бьётся в сетях опутавших его противоречий на общем фоне тенденции к дальнейшей секуляризации. «Одни ликуют в сознании освобождения жизни, другие обвиняют дух в этой величайшей измене, в этом несчастье, которое неизбежно приведёт к гибели человечество» [Ясперс 1991, 501]. В концепции А. Дж. Тойнби «цивилизации третьего поколения представляют собой регрессивное явление относительно высших религий» [Тойнби 1996, 432], в то время как «цивилизации второго поколения со всеми их надломами и последующими распадами, создавшие предпосылки для возникнове-

ния живых высших религий,— это не поражения, а победы — в той мере, в какой они помогли родиться вселенским церквам» [Там же]. В конце предисловия своей книги «Истоки постмодерна» Перри Андерсон приводит мысль А. Дж. Тойнби о том, что в длительной перспективе будущее планеты способна спасти всеобщая универсальная религия [Андерсон 2011, 14].

Оценивая феномен постмодерна с точки зрения его мировоззренческой и нравственно-этической значимости, следует констатировать ярко бросающееся в глаза отсутствие фундаментальных конструктивных начал в содержании его основных теоретических положений. Начав с деконструкции философии эпохи модерна, постмодернизм не смог преодолеть интенции иррациональных деструктивных тенденций, и это обстоятельство не может не вызывать тревогу со стороны его оппонентов. Деструктивная нигилистическая идеология может оказаться смертельно опасной не только для судеб народов и мировых держав, как это бывало в древней и новейшей истории, но и для существования мира в его глобальном масштабе. В то же время следует объективно признать, что критика эпохи модерна со стороны представителей постмодернистской философии во многих отношениях является справедливой. И, наконец, следует согласиться с тем, что в своей творческой новизне постмодернизм таит в себе пока ещё не раскрытый потенциал научных, этических, эстетических и религиозных интуиций. В этом плане с постмодернизмом как новым явлением на культурном горизонте нашей эпохи можно связывать надежды на оптимизацию его будущих перспектив.

Возврата в прошлое быть не может, и смысл будущего нужно видеть не в возвращении к формам исторического прошлого, а в конструктивном и творческом преобразении настоящего в соответствии с идеалами актуального исполнения Евангелия в мировой жизни человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон 2011 — Андерсон П. Истоки постмодернизма. М., 2011.
2. Арсланов 2015 — Арсланов В. Г. Сущее и ничто. СПб., 2015.
3. Бауман 2004 — Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004.
4. Бодрийяр 2014 — Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2014.
5. Гартман 2002 — Гартман Н. Этика. СПб., 2002.
6. Гилинский 2017 — Гилинский Я. И. Девиантность в обществе модерна. СПб., 2017.
7. Ванхузер 2007 — Ванхузер К. Дж. Искусство понимания текста. Черкассы. 2007.
8. Деррида 2012 — Деррида Ж. Поля философии. М., 2012.
9. Ильин 1996 — Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
10. Капуто 2011 — Капуто Дж. Как секулярный мир стал постмодерным // Логос. 2011. № 3. С. 186–205.
11. Мнацаканян 2018 — Мнацаканян М. О. Постмодернизм. Происхождение. Природа. Место в современной социологии. М., 2018.
12. Рзаева 2011 — Рзаева Р. О. Дискуссии о современности и/или к вопросу о ситуации постмодерна // Гуманизм и философские ценности. М., 2011.

13. Рикёр 2017 — Рикёр П. Философская антропология. М., 2017.
14. Скоропанова 2001 — Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык. СПб., 2001.
15. Стретерн 2015 — Стретерн П. Деррида. М., 2015.
16. Тойнби 1996 — Тойнби А. Постижение истории. М., 1996.
17. Уотсон 2017 — Уотсон П. Эпоха пустоты. М., 2017.
18. Франкл 1990 — Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
19. Хаутепен 2008 — Хаутепен А. Бог: открытый вопрос. М., 2008.
20. Хьелл, Зиглер 2001 — Хьелл Л. Зиглер Д. Теории личности. СПб., 2001.
21. Ясперс 2014 — Ясперс К. Разум и экзистенция. М., 2014.
22. Ясперс 1991 — Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
23. Ясперс 2012 — Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире. М., 2012.
24. Derrida, Alan 1963 — J. Derrida, B. Alan Force et signification // Writing and Difference. 1963. С. 3–30.
25. Griffin 1988 — Griffin D. R. The Reenchantment of Science N. Y. 1988.
26. Eliot 1948 — Eliot T. S. Notes Towards the Definition of Culture. London, 1948.
27. Erikson 1968 — Erikson E. H. Life cycle. In International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 9, 1968.
28. Habermas 1981 — Habermas J. Theory des kommunikativen Handelns. Bd. 2. Suhrkamp, Frankfurt. 1981.
29. Lyotard 1985 — Lyotard J. The Postmodern Condition. A Report on Knowledge. Minneapolis, 1985.
30. Welsch 1988 — Welsch W. «Postmoderne». Genealogie und Bedeutung eines umstrittenen Begriffs // « Postmoderne» oder der Kampf um die Zukunft / Hrsg. von Peter Kemper. Frankfurt. M. 1988. S. 29–30.

© Саврей Валерий Яковлевич (vsry@icloud.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МГУ им. М.В. Ломоносова